

НИКОЛАЙ

ДОБРОНРАВОВ

Как молоды мы были

Николай Николаевич Добронравов

Как молоды мы были

Серия «Лучшие поэты»

*Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=20043661
Как молоды мы были: АСТ; Москва; 2017
ISBN 978-5-17-101207-6*

Аннотация

Кто не знает песен «До свиданья, Москва!», «Главное, ребята, сердцем не стареть», «Надежда», «Птица счастья», «Мелодия», «Беловежская пуща»!..

Песни на стихи Николая Добронравова поют по всему миру. Их сделали знаменитыми Муслим Магомаев, Майя Кристалинская, Анна Герман, Валентина Толкунова, Иосиф Кобзон, Лев Лещенко... и конечно, музыка Александры Пахмутовой.

Не одно поколение людей выросло на стихах поэта. Сегодня его строчки часто цитируют, даже не задумываясь, кто их автор. Он давно стал любимым и истинно народным.

Книга стихотворений включила в себя около двухсот новых произведений, написанных за последние несколько лет. Это стихи о нашей действительности, изменившейся жизни, о вере в Россию, в ее возрождение.

Содержание

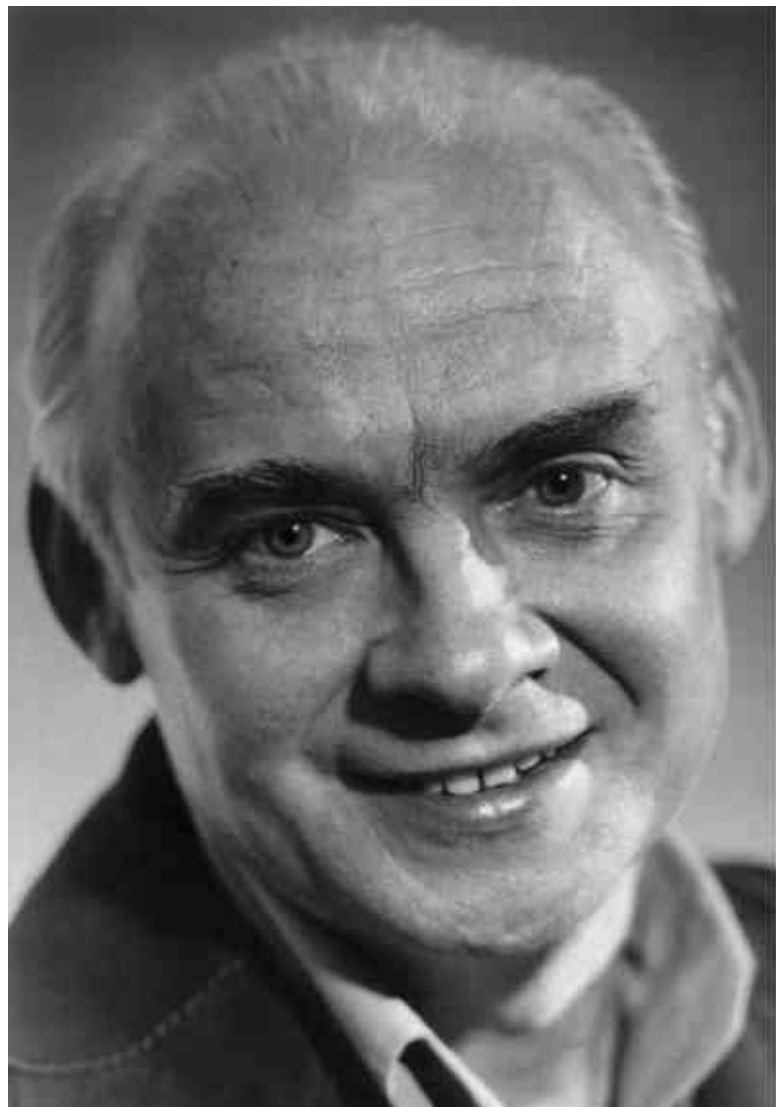
Еще жива родная сторона	8
Время	9
Зачарованная даль	10
Родная сторона	11
Меж Арбатом и Тверской	13
«Я не плыл по Венеции в венценосной гондоле...»	19
Русский вальс	21
Экскурсовод	23
«Встречаю рассветы, встречаю закаты...»	24
Звезды	26
«Ах, как элегантен язык ваш певучий!..»	28
«Ты теряешь, родная, последние силы...»	29
«Мы все – как деревья с опавшей листвою...»	31
Поместья	33
Подземка	34
Глаза России	36
Об изменении названий	38
«Не нынче. Не вчера. Во время оно...»	39
Уехали	41
Остаюсь	43
Убитые русские дети	45
«Я тоскую по северу, по холодным	46

заливам...»	
«Так тяжело на сердце, и хочется плакать...»	48
«В этом крае действительно Ясные Зори...»	50
Подмосковье	53
На перевале	55
Горькая моя Родина	57
Гроза над Волгой	59
Еще поют в России соловьи	61
«Я вновь аккорд возвышенный беру...»	63
Веры тонкая свеча	66
«Как корежило нас невежество!..»	67
Эпитафия читающей стране	69
Чудотворная совесть	71
«Рядом с церковью птицы поют...»	73
Вера	75
«Подобрали его случайно...»	77
Восстанавливают храмы	81
«С православной верою предки наши выжили...»	84
Душа	86
«А я еще помню – ковер на полу...»	88
«Как хорошо, что в мире есть иконы...»	90
«Мы раны страны покрываем зеленкой...»	92
«Адвокатов не будет на Страшном суде...»	94
«По всей России иконы плачут...»	96
«Была у предков с Небом связь...»	98

Взрывают церковь Рождества Христова	100
Храм на крови	103
«Те беды, те дни, те огни не померкли...»	104
Колокола	106
«Мне сегодня с утра пропел...»	107
Мать и сын	108
Соберемся в дорогу	110
В начале было Слово	112
Пимен	113
Слово	116
Памяти Юлии Друниной	119
«Костлявых букв бунтующая плоть...»	123
«Ценя безмерно собственное „я“...»	125
Новые мизансцены	126
«Нынче везде и во всем перемены...»	127
«Ах, искусство – не жизнь, не войдешь налегке...»	129
Дорога на Рузу	131
Сериал	135
Конец ознакомительного фрагмента.	136

Николай Николаевич Добронравов Как молоды мы были

*Мы – дети самой преданной любви.
Ее никто отныне не отнимет.
Еще поют в России соловьи, —
И, значит, песня землю не покинет!*

Еще жива родная сторона

Время

Времени нечеткий негатив.
Но Пегас по-прежнему ретив.
Люди на свету или впотьмах,—
время проявляется в стихах.

Наши боль, и мужество, и страх, —
время выражается в стихах.
Велика поэтами Россия.
Велика поэтому Россия.

Зачарованная даль

Нас осталось так немного.
Нас еще томит печаль.
Заповедная дорога,
Зачарованная даль...

Здесь до боли все знакомо.
Здесь родные берега.
И ведет дорога к дому
Сквозь невзгоды и века...

У родимого порога
Снова вишни зацветут...
Здесь все лучшее от Бога.
Здесь меня, как Бога, ждут.

Снова музыка воскреснет.
Оживет лесной рояль...
И воскреснет наша песня —
Зачарованная даль.

Дом родной – края лесные.
Путь домой – и свет, и грусть...
Заповедная Россия,
Зачарованная Русь.

Родная сторона

Здесь, как и встарь, – фасады в три окна...
На всех оконцах – ставеньки резные.
А на опушке ягоды лесные.
Еще жива родная сторона.

Над крышами – сиреневый дымок.
У палисада юные березы.
А ранним утром так прозрачны росы...
И небосвод по-прежнему высок.

Еще слышны здесь птичьи голоса.
Еще буренка топчется на взгорье.
И кур крадет из ближнего подворья
из леса забежавшая лиса.

Но сколько здесь уродливых пеньков!
Беспутной жизни множество отметин...
Ручной пилой отрезаны столетья
от нынешних компьютерных годов.

Перевелись и редкие стада.
Стареют и оставшиеся козы.
Разогнаны колхозы и совхозы,
и заплясала в поле лебеда!

Уже подгнили лодки у реки.
В седых сараях притупились косы.
Уже невнятный голос тепловоза
все хуже слышат наши старики.

Не то чтоб нынче бесполезен труд,
а просто здесь крестьянину не светит...
Рванувшие на заработки дети
уже подарков предкам не несут.

Они в недалеком городе живут.
Претит им быт бессмысленный и древний...

Они все точно знают про деревню:
Там не везет!

И внуков не везут.

...Но есть один оставшийся родник
в лесу.

В глуши.

И все ему нейдет.

Он, словно сердце слабое, бьется,
он к факту вырождения не привык.

Земля людей оттуда не видна.
Он просто дышит воздухом и волей.
Он хочет к свету вырваться – не боле...
Еще жива родная сторона?

Меж Арбатом и Тверской

Путь земной мой только начат.
Жизнь пока что налегке.
От площадки от Собачьей
жили мы невдалеке.

Двор наш узок был и гулок.
Подворотен волшебство.
Трубниковский переулок —
гавань детства моего.

В той эпохе домуслимовой,
в страшный год тридцать восьмой
возле лавки керосиновой
я стоял на Поварской.

И с наполненным бидончиком
я домой к себе бежал,
в кухню, к примусу с поддончиком,
в свой родной полуподвал.

Рядом был Союз писателей,
тут он был, на Поварской.
И тогда уже не ладили
гении между собой.

Молодые все, да ранние...
Был Корней еще не стар.
И просящий подаяния
чуть подвыпивший Гайдар.

А когда бежал из школы,
как всегда – к себе в подвал,
дядю Степу Михалкова
на углу я повстречал.

И чуть-чуть уже кумекая,
пристрастившийся читать,
прибегал в библиотеку я
с другом книги выбирать.

Мы любимся обложками.
Постигаем Имена.
Всех путевыми дорожками
нас вела Читай-страна.

После школы были вузы.
Даже два. Театр. Эфир.
Я в юнцах на сцене ТЮЗа
был хорош вполне и мил...

Много ль надо человеку,
что в те годы возникал?
Я свою библиотеку
по круплицам собирал.

С детства рифмой звонкой ранен,
собирал не все подряд.
Блок, Крученых, Северянин
до сих пор в шкафу стоят.

И все чаще в эту пору
те стихи я вспоминал,
что в трамваях, в коридорах
между делом сочинял.

Но в начале литработы
стал я сразу понимать:
стих – забава. Надо что-то
посерьезней сочинять.

К нашей пьесе самой первой
долго шли с Сережей мы.
Наконец, сбылась премьера
с режиссером Деммени.

Это было в Ленинграде.
А в Москве уже потом
стали пьесы наши ставить
в каждом клубе городском.

Я к писательству де юре
был тогда еще в пути.
Был тогда в литературе,

как в театре – травести.

Правда, книги издавались —
проза, сказки для детей.
А стихи... Те оставались
страстью тайною моей.

Ах, тогда, в шестидесятых,
моден был нелегкий труд.
Сколько фильмов было снято
тех, что до сих пор живут.

Сколько песен было спето
тех, что в сердце мы храним.
Был лучом любви и света
ослепительный Муслим!

Я как будто бы очнулся.
Мир открылся мне иной...
Робко к песне прикоснулся,
к песне детской, озорной.

Оказался не статистом
я на песенной стезе.
Стал поэтом и артистом
я в те годы в ДЗЗе¹.

Появлялся в альманахах...

¹ Дом звукозаписи. – *Примеч. авт.*

Первый сборник... И второй...
Стал входить почти без страха
я в СП на Поварской.

На судьбу свою не сетовал,
среди великих – не изгой.
Как внимательно беседовал
Юрий Трифонов со мной!

Здесь встречался я с элитой.
И меня без лишних слов
привечали знаменитые
Смеляков, Гамзатов, Львов!

Ах, с годами все отчетливей
свет и тени прошлых лет!
Громы-звоны не умолкли
поражений и побед.

Пусть за дальними широтами
необъятная земля,
за Никитскими воротами
состоялась жизнь моя.

Пусть изъезжено немало,
но они навек со мной —
эти несколько кварталов
меж Арбатом и Тверской.

Этот малый круг московский —
центр земли в моей судьбе.
Переулок Трубниковский,
низко кланяюсь тебе!

Годы детства. Песни ранние.
Все я в сердце берегу.
...Снова с площади Восстания
я с бидончиком бегу.

Но в эпохе постмуслимовой
на родной, на Поварской
нету лавки керосиновой
и СП – полупустой...

Жизнь повсюду стала круче.
В ЦДЛ одна беда:
рестораны стали лучше,
книги хуже, чем еда.

«Я не плыл по Венеции в венценосной гондоле...»

Я не плыл по Венеции в венценосной гондоле.
И салонно в Салониках я в порту не скучал.
Ранним Римом раним я. И Боливией болен.
И гостиница в Ницце снится мне по ночам.
В наше время парижи и доступней и ближе,
сто туристских круизов разгоняют печаль.
Что поделаешь, – жаль, что я не был в Париже,
что, полжизни прожив, не видал Этуаль,
что индейца с мачете я не встречу под вечер,
не впишусь элегантно в экзотичный экспресс
где-нибудь в Эльдorado, что со мной не щебечут
на борту «Каравеллы» королевы небес.

...Зато я помню первые бомбежки,
как шли мы парами с учителем в подвал,
и корешок мой – Щепетов Сережка —
мне полкусочка черного отдал.
Что говорить: «Я это не забуду!» —
и стоит ли те беды ворошить...
Но это все не выдумка, не чудо,
а чудо то, что мы остались жить,
что мирным небом с той поры мы дышим,
что сильный вправе забывать о зле.

А тот солдат, что спас Россию, выше
всех Триумфальных арок на земле...

Русский вальс

Песня-печаль. Дальняя даль.
Лица людей простые...
Вера моя, совесть моя,
Песня моя – Россия.
Время дает горестный бал
В Зимнем дворце тоски.
Я прохожу в мраморный зал
Белой твоей пурги.

Жизнь моя – Русь. Горе и грусть.
Звезды твои седые...
Издаেকে я возвращусь
Песней твоей, Россия.
Все позабыв и не скорбя,
Можно прожить вдали...
Но без тебя, но без тебя
Нет у меня любви.

Вешних лугов, праведных слов
Буду беречь ростки я.
Вера моя, удадь моя,
Песня моя – Россия.
Время дает горестный бал
В Зимнем дворце тоски.
Я прохожу в мраморный зал

Белой твоей пурги.

Русский вальс – трепетный круг солнца и выюг.

Милый друг, вот и прошли годы разлук...

Милый друг, вот и пришли годы любви...

Русский вальс, нашу любовь благослови!

Экскурсовод

В городе Кириллове, там, за Белым озером,
где из тьмы истории Родина встает,
смысл поэмы каменной сообщает в прозе нам
тоненькая девочка – наш экскурсовод.

Подкупает речь ее не умом – сердечностью.
Нас проводит девочка и уходит в ночь,
добрая от Родины, от общенья с вечностью,
тихая в бессилии прошлому помочь, —

этим фрескам радужным, гибнущим от сырости,
той стене порушенной, что была крепка.
Строил это празднество зодчий Божьей милостью
в те века, где строили храмы на века.

Двор, забитый мусором. Пруд, заросший ряскою.
Беглыми туристами разрисован скит.
Тоненькая девочка с тоненькой указкою,
словно образ Родины, сердце мне щемит...

«Встречаю рассветы, встречаю закаты...»

Встречаю рассветы, встречаю закаты,
как самые светлые Божьи дары.
Дыханием вечности небо объято,
и нас еще терпят иные миры.

Читаю рассветы, читаю закаты
в священном писанье российской земли,
где главы увили виньетки пернатых,
листки манускриптов – в дорожной пыли.

Листаю рассветы, листаю закаты,
листаю овраги, луга и леса.
Лишь это одно – непреложно и свято.
Лишь это – извечная наша краса.

И мы выбираем себе Геростратов.
И наши вожди в нашей русской глуши
сжигали рассветы, сжигали закаты
наивной доверчивой нашей души.

Простите рассветы, простите закаты
за злые деянья ничтожных людей,
за все бесконечные наши растраты

природных богатств и небесных идей.

Звезды

Звезды над планетой. Над Россией.
Звезды Вифлиема. Дар волхвов...
Звезды человечеству светили
столько лет бессвязных и веков.

Серебром и золотом, и медью
светятся над нами в час ночной
вечные холодные созвездья,
нашей не встревожены судьбой.

В них еще живут воспоминанья,
как на землю русичи пришли,
как волну нашествий и страданья
прадеды мои перенесли.

Звезды знают: в мире у народа,
как земля, вращается судьба.

Воля.

Рабство.

И полусвобода.

Радость.

Всенародная беда.

Нет сейчас ни святости, ни пользы.
Всё мы научились продавать.

Тусклые коммерческие звезды
Начали над родиной мерцать.

Звезды – боги вечного молчанья —
смотрят в наши будущие дни.
Мудрые небесные созданья, —
что нам напророчили они?

Звезды нам по-разному светили.
Только без значенья – никогда.
Гаснет над великою Россией,
гаснет путеводная звезда.

«Ах, как элегантен язык ваш певучий!..»

Ах, как элегантен язык ваш певучий!
О, как необычна гортанная речь!
Не выберешь в мире язык самый лучший,
но каждую речь надо свято беречь.

Все больше на шаре земном полиглотов.
Все легче становится нам разглядеть
и тонкости речи различных народов,
и самых различных словес круговерть.

Вот этот язык – он такой безмятежный,
как будто здесь жизнь без забот и затей.
А этот – заумный, а этот – небрежный,
а это – язык для бездушных идей.

Английский – в фаворе. Он четок и гладок.
Испанская речь до чего ж хороша!
В китайских словах – миллионы загадок.
И только у русского слова – душа.

«Ты теряешь, родная, последние силы...»

Ты теряешь, родная, последние силы.
Мы уже не спасем тебя. Не укрепим.
Мы пришли попрощаться с тобою, Россия,
с бледным небом твоим, с черным хлебом твоим.

Мы не будем стремиться к богатым соседям.
Не прожить нам без ласки слезящихся глаз...
Никуда не уйдем. Никуда не уедем.
Ты сама потихоньку уходишь от нас.

Мы стоим пред тобой в современных одеждах, —
космонавты и братья мои во Христе.
Ты была нашим предкам столпом и надежей.
В мире не было равных твоей широте.

Ты была, наша мать, небогатой и честной.
И не зря же ты в муках на свет родила
знаменитых царей и героев безвестных,
и неслась в новый мир, закусив удила.

Так за что же тебе выпадали мученья?
Зарубежный альков и щедрей и теплей...
Очень страшно семье, если нет продолженья.

У России почти не осталось детей...

Свиньи чавкают, в храм водрузивши корыто.
И рыдают солдатки у афганской черты.
Васильковое небо зарыто, закрыто
черным облаком смога, свинца, клеветы.

Так чего же мы ждем? Для чего мы хлопочем?
И зачем по инерции смотрим вперед?
Ты прислушайся: мы пустотою грохочем.
Присмотрись: вместо поезда выюга идет.

... Вот мы все собрались на последней платформе.
Осквернен наш язык... Уничтожен наш труд.
Только там, под землю, останутся корни.
Может быть, сквозь столетья они прорастут.

«Мы все – как деревья с опавшей листвою...»

Мы все – как деревья с опавшей листвою.
Печать нынче хуже и бомб, и свинца...
Убили повторно Гастелло и Зою.
Народ без героя. Страна без лица.

На трассе ухабистой нет разворотов.
Сужается нашей судьбы коридор.
На кладбище бывших советских заводов —
сплошная разруха. Позор и разор.

Лишили учащихся зренья и слуха.
Лишили рабочего права на труд.
В верхах – показуха. В эфире – чернуха.
Порнуха – рекламный коммерческий блуд.

В лампаде огонь благодатный погашен.
Забыли Иисуса и Бога-отца.
Забыли великих подвижников наших.
Народ без героя. Страна без лица.

От злата и зла сберегал нас Спаситель.
Конечно, мы жили с грехом пополам...
Но все ж, если Русь – нашей веры обитель,

Зачем мы пустили торгующих в храм?

Любовь бескорыстная переродилась.
Любовью к наживе разбиты сердца.
Сдались мы тельцу золотому на милость.
Народ без героя. Страна без лица.

Мы, словно шахтеры, застрявшие в клетки.
Угрозы убийц. Нескончаемый страх.
Надежда осталась в ушедшем столетье.
Осталась порядочность в прошлых веках...

Живем не трудом, а всеобщим обманом.
Промозглым туманам не видно конца...
Толпимся в своем общежитии странном.
Народ без героя. Страна без лица.

Сердцам опустевшим и чувствам бездомным
уже не вернуть наших предков купель.
Кроим свою жизнь по заморским фасонам.
Накрыла Россию чужая метель.

Ни песен своих, ни друзей не осталось.
Случайные связи, и брак без венца...
Какая инертность! Какая усталость!
Народ без героя. Страна без лица.

Поместья

Страсть к высоте у нас неудержима.
Сдавались людям пики гордых гор.
А ныне в буднях нового режима
пик высоты – воздвигнутый забор.

Растут поместья на родных просторах.
Ограда до небес вознесена.
Такие понастроили заборы —
куда тебе кремлевская стена!

Не видны даже царственные крыши.
Заборы утверждают твой успех.
А кто по иерархии повыше —
себе ограду ставит выше всех!

Поместья...

Наступленье на природу.
Круши,
руби под корень
и сноси!
Грядет дебилизация народа.
Идет заборизация Руси.

Подземка

Три машины ГАИ. Спецсигналы,
что бомбят перепонки ушей...
Привилегий, все кажется, мало
для влиятельных наших мужей:
«Мерседес», а не старая «Эмка»,
проблесковый маяк, – не ведро...
А метро превратилось в «подземку».
Превратили в подземку метро.
То метро важным рылам обрыдло.
Спецохрана для спецколымаг.
А «подземка» осталась для быдла,
для все новых бомжей да трудяг.

...Я-то помню открытие станций,
голубого экспресса разгон.
Те колонны, слепящие гляncем,
и во время войны, и потом.
Дети были одними из первых,
кто, как нового счастья гонцы,
мчались не во Дворец пионеров,
а в подземные эти дворцы.
Мы влюблялись в метро не напрасно, —
там судьба от бомбежек спасла.
Наша первая встреча с прекрасным
в этом мраморном царстве прошла.

Жизнь низвергнуть до адского круга
наши власти сумели хитро́.
Унижали культуру, науку
и унизили даже метро!
Обозвали подземкой. И ныне
Здесь идет криминальный парад.
Здесь воруют. В душливом дыме
здесь подземные взрывы гремят.
Перестройки и переоценки
полной мерой извели мы.
И сегодняшним детям подземки
уж не вырваться к солнцу из тьмы.

Глаза России

Все дети на планете божественно прекрасны.
Родятся наши дети без хитрости и зла.
И будущее кажется безоблачным и ясным,
и кажется дорога привольна и светла...

Над ними, малышами, склоняется Россия,
их Родина, их счастье, надежда и краса.
И смотрят на младенца небесно-голубые
прекрасные родные славянские глаза.

Была ли ты, Россия, всегда такой счастливой?
Не ведаю – не знаю. Ответить не берусь.
Но знаю, что старалась всегда быть справедливой,
моя голубоглазая застенчивая Русь.

Я рос в войну великую, когда людей косила
нелепая и страшная военная гроза.
И я тогда впервые взглянул в глаза России,
внезапно потемневшие и гневные глаза.

Все было в этом взгляде: страны несокрушимость,
тяжелые ранения, страдания и боль.
Была во взгляде этом победная решимость,
святая, материнская великая любовь.

...А позже мы увидели (ах, лучше бы приснилось!),
как рушилась и падала великая страна,
как дьявольскому пиршеству страна сдалась на милость.
Лицо свое теряла безропотно она.

А ведь еще недавно казалось нашим предкам,
что будет все прекрасней ее житье-бытье,
что солнце не погаснет, что страх Руси неведом.
Тогда и мы поверили в бессмертие ее.

Ошиблись древнерусские великие пророки,
и старцев-предсказателей умолкли голоса...
Сегодня у России бесцельные дороги,
безвольные, пустые, бесцветные глаза.

Об изменении названий

Когда-нибудь эти расколятся воры...
Все высказать сам я не премину,
как наши деляги и наши «партнеры»
изготавливали другую страну.

С высоких позиций нас нынче сместили.
Страна наших предков давно уж не наша.
Веками была величавой Россия.
Теперь прозябает какая-то раша.

«Не нынче. Не вчера. Во время оно...»

Не нынче.

Не вчера.

Во время оно,
в эпоху просто мирного труда.
Когда спокойно жили миллионы,
случилась настоящая беда.

Не урки и не уличные банды,
а враз по наущенью сатаны
построилась великая команда —
команда разрушителей страны.

Взялись они восторженно за дело.
Резвились, как мартышки в шапито...
Такого, как в России, беспредела,
воистину не видывал никто.

Разрушили колхозы и заводы,
прикрыли все неслабые НИИ.
Сумели все талантливые всходы
намеренно стереть с лица земли.

А новые земельные монархи

сгноили пашню и сгубили целину.
Бандиты, по прозванию – олигархи,
спокойно прикарманили страну.

О, сколько нас, к разбою непригодных,
чужими стали в городах своих...
И бродят, бродят толпы безработных
на пепелищах наших заводских.

С нас требуются взятки и откаты.
Мы – пленники коммерческих страстей.
Мы терпим издевательства богатых.
Прощаем равнодушие властей.

Мы – чемпионы по долготерпенью.
И вновь по указанию сатаны
построился отряд уничтоженья
уже полуразрушенной страны.

Уехали

Здесь все теперь по-новому,
все нынче не по-нашему,
с всеобщей безработицей,
с постыдными утехами.

Былые одноклассники,
родные однокашники,
уехали. Уехали. Уе-ха-ли!

Быть может, ради рейтинга,
а может, ради деточек,
со зла ли на правительство,
добра ли ради, смеха ли...

Седые академики,
науки нашей светочи,
уехали. Уехали. Уе-ха-ли!

Ну что ж... Грустить не надобно.

Бог с ними, с эмигрантами,
порвавшими с Отчизною,
с несчастиями здешними.

Зачем им тут общение
с погибшими талантами?

Важнее там знакомство
с делягами успешными.

Обидно, что уехали
они с такими рисками
в страну традиций благостных,
среди которых главная —
вражда к всему славянскому
и ко всему российскому,
к соборной нашей родине,
к народу православному.

Остаюсь

Вот пришло письмо издалека,
Где живут богато и свободно...
Пусть судьба страны моей горька, —
Остаюсь с обманутым народом.
Пусть судьба печальна и горька...

Мы – изгой в собственной стране.
Не пойдем: Кто мы? Откуда родом?
Друг далекий, вспомни обо мне, —
Остаюсь с обманутым народом.
Друг далекий, вспомни обо мне...

Слышен звон чужих монастырей.
Снова мы себя переиначим.
На обломках Родины моей
Вместе соберемся и поплачем.
На обломках Родины моей...

Мы еще от жизни не ушли.
Свет берез не весь еще распродан.
И вернутся снова журавли.
Остаюсь с обманутым народом.
И вернутся снова журавли...

Не зови в дорогу, не зови.

Верой мы сильны, а не исходом.
Не моли о счастье и любви, —
Остаюсь с обманутым народом.
Не зови в дорогу, не зови...

Убитые русские дети

И снова планета в бреду и во мгле.

И солнце неласково светит...

И снова, и снова на нашей земле —
убитые русские дети.

Пришла на планету безбожная рать.

Глаза их и души – пустые...

Скажите – возможно святых убивать?

Ведь малые дети – святые!

Малышка у мамы – единственный сын...

Убит он осколком снаряда.

Играл... Не расслышал он крика «Бежим!»,
когда началась канонада.

На вид ему было лет шесть или пять,
и был он невзрачным, неброским.

А мог бы он вырасти, мог бы, как знать,
стать Лермонтовым, Чайковским...

Ах, если б талант у мальчонки расцвел,
он мог бы прославить науку...

Ни я, ни сосед, даже Бог не отвел
убийцы спокойную руку.

Лишь мама в углу, под иконой хранит
его черно-белый портретик.

И, взявшись за ручки, уходят в зенит
убитые русские дети.

«Я тоскую по северу, по ХОЛОДНЫМ ЗАЛИВАМ...»

*Снова в России, как раньше в СССР, появились
предложения о повороте северных рек.
«Рассудку вопреки, наперекор стихиям...»*

Я тоскую по северу, по холодным заливам,
где родился я русским, где бывал я счастливым,
где прошло мое детство, где встречались нередко
родники ключевые – наши давние предки,
где великие реки, словно матери наши,
овевали прохладой, милой, домашней...
И не зря узнавал я по весенним протокам,
как прекрасна Россия, как она синеока...

Только стало возможно в нашем рыночном веке
продавать нашу воду, истязать наши реки.
Вновь возникли идеи – это невероятно! —
прекратить наши реки, повернуть их обратно.
Чтоб текли они вспять – им поставить запруду,
чтоб текли они к югу, к незнакомому люду,
где сегодня иные и молитвы, и танцы,
где живут не родные, а вполне иностранцы.

Так, отринув от нашей, от российской опеки,

арестуют былые полноводные реки,
и невольные волны, навсегда полоненные,
задыхаясь, в пустыни повернут раскаленные, —
не на день, не на два, а, возможно, на веки.
Это будут не реки, а доходные чеки.

...А в безлюдной Сибири, как в разбитой посуде,
ни полей плодотворных, ни деревьев не будет.
И потопленный храм никогда не воскреснет,
как могучие избы, как народная песня.
Потекут наши реки в непонятном бессильи,
потекут они в общем-то против России,
против нашей природы, против Господа Бога.
Это будет в России часть ее эпилога...

«Так тяжело на сердце, и хочется плакать...»

Так тяжело на сердце, и хочется плакать.
И надо бы душу готовить к зиме.
Такая повсюду разруха и слякоть.
Так быстро темнеет в стране...

Мы больше пощады у неба не просим.
Пророческий глас утопили в вине.
Такая настала промозглая осень!
Так быстро темнеет в стране...

Кривые усмешки, прямые угрозы,
а сердце родное – увы! – не в броне...
На скользкой дороге такие заносы...
Так быстро темнеет в стране...

На пастбищах жизни все пусто и гибло.
Не велено думать о завтрашнем дне...
Как быстро и память, и совесть отшибло!
Как быстро темнеет в стране...

Ограблен трудяга. Застрелен невинный.
Кто вовремя сподличал, – тот на коне.
Такие заборы, что неба не видно!

Как быстро стемнело в стране...

Такой телевизор пустой и веселый!
На кой нам учиться в сплошной кутерьме...
Потушат огни деревенские школы...
Так страшно темнеет в стране...

Мы верили: будет и легче, и лучше,
и новое счастье придет по весне...
Но вновь собираются черные тучи.
Как быстро стемнело в стране...

Господь свои брови седые нахмурил.
Так трудно живется народу во тьме.
Затишье. Быть может, оно перед бурей?
Возможно, к войне – не по нашей вине...

«В этом крае действительно Ясные Зори...»

Т. Крайкиной

В этом крае действительно Ясные Зори.
Голубые березы и святой монастырь.
Есть высокая стать в ярославском просторе,
где хорошие люди и приволжская ширь.
Я везде сам не свой. Я везде неприкаян.
Только здесь мне заутреня с неба слышна...
Здесь прекрасны и снег, и жара... Но какая
в этом все-таки северном крае – весна!
Так любил я все эти чудотворные весны.
И работалось здесь, как нигде, никогда.
Ну, а в этом году неожиданно поздно
Туношонка-река отошла ото льда.
Я на берег подтопленный вышел спросонок.
Только-только закончился здесь ледоход.
Вдруг увидел, как юный смешной лягушонок
по реке в одиночестве гордо плывет!
Он плывет против ветра и против течения.
Волн волненье навстречу и водоворот...
Но в неравной борьбе, как в последнем сраженье,
он, забыв все на свете и отринув сомненья,
неокрепшими лапками все гребет и гребет.

Я же вижу: ему не хватает силенок...
Лучше б мирно он спал в недалеком пруду...
Но плывет и плывет несмешной лягушонок.
Он последний, кто бьется за любовь и мечту!
Я все думал: когда же, когда он устанет?
Я все видел: движенья его не легки...
Но еще он плывет! Вот он скрылся в тумане
за крутым поворотом Туношонки-реки.
Что он ждет впереди? Он мечтает, наверно,
что в то утро рассветное только его
во дворце из кувшинок ждет лягушка-царевна
в рясном аква-ква-тории на свое торжество!
Он плывет что есть силы. Он доподлинно знает:
все прекрасное нам достается с трудом.
Пусть волна набегает, пусть ветер крепчает,
скоро будет он с нею, с царевной вдвоем!

...Если б ты, лягушонок, заране предвидел,
что все меньше в природе беспечальных минут,
что любви и надежде уготована гибель,
что закончились в мире и тепло, и приют,
что разрушили все, все снесли и убили,
и упрятали в мутную воду концы,
и царевну-лягушку давно отменили
и отдали шакалам золотые дворцы.
И не надо за сказками прыгать вдогонку.
Не сбылись в нашем крае надежды и сны.

А заплыв лягушонка на реке Туношонка

лишь привет от навечно погибшей весны.

Подмосковье

Какая здесь родная красота!
И шепот трав, и птички переклички...
Дождями теплыми омытая листва.
Летающие сквозь время электрички.

Я помню тот послевоенный день,
как даже мы, мальчишки, были рады,
когда в кругу российских деревень
вставали под Москвой наукограды.

А покоренье первых звездных трасс
сравнимо только с первой любовью.
Дорога к дальним звездам началась
в моем родном недалёком Подмосковье.

Теперь – увы! В фаворе сорняки.
И я молю, чтоб хоть у нас в округе
роскошные дворцы-особняки
не заслонили б хижины науки!

Пусть побеждает не сорняк, а труд
во имя жизни и всего святого.
Пусть и друзья и недруги поймут,
что к новым взлетам Родина готова!

Пусть к нам придут и свет, и волшебство,
и теплый дождь, и птичьи переклички,
и мимо окон детства моего
в грядущий день несутся электрички!

На перевале

Мы знали Россию в годину лихую.
Застали страну в ее каторжный срок —
голодную, нищую, полуживую
Россию, которой никто не помог.

И мы не рванули в далекие страны.
Мы вынесли все. Мы сумели, смогли
очистить от скверны и вылечить раны,
крававые раны российской земли...

Врачуют недуг не спеша, терпеливо,
по крохам зарю вызволяют из тьмы...
О, как мы хотели увидеть счастливой
Россию, в которую верили мы!

Колеса истории забуксовали.
Казалось, мы все под колеса легли...
И вот мы увидели на перевале
Россию, которую мы сберегли.

Но снова – печали от края до края.
И снова солдаты домой не пришли.
Не плачь, умоляю, не плачь, дорогая,
Россия, которую мы сберегли...

Серебряный луч засверкает в тумане,
И крест золотой воссияет вдали...
Очнувшись от горя, восстанет, воспрянет
Россия, которую мы сберегли!

Судьба с терпеливою паствою дружит
и с тем, кто не предал сыновней любви.
Еще нашим внукам и Богу послужит
Россия, которую мы сберегли.

И снова к нам, грешным, сойдет вдохновенье.
Ты станешь зарей и надеждой земли...
Отпразднуем вместе твое воскресенье,
Россия, которую мы сберегли.

Творец не для Ирода родину создал.
Воскреснет Россия во имя любви.
Вот только бы кто-нибудь снова не продал
Россию, которую мы сберегли...

Горькая моя Родина

Горькая моя родина,
Ты и боль моя, и судьба.
Вновь кружит непогодина...
Только мы одни у тебя.

Так близка мне твоя
Даль далекая,
Ты Россия моя
Одинокая.
Облака над тобой
Невесенние.
Но я верю в любовь
И спасение.

Горькая моя родина,
Как тебя не звать, не любить...
Пусть судьба не устроена, —
Надо веровать, надо жить!

Соловей, голоси!
Все мне чудится,
Что крещение Руси
Снова сбудется.
Еще русская речь
Не задушена.

Еще сможем сберечь
Слово Пушкина.

Горькая моя родина...
Нет, нельзя тебя разлюбить...
Пусть гудит непогодина,
Будем веровать, будем жить!

Не осилит меня
Сила черная.
Вся страна мне родня —
Русь соборная.
Так близка мне твоя
Даль далекая.
Ты Россия моя
Синеокая...

Гроза над Волгой

Нас тусклая судьба не подкосила.
Не все еще померкли голоса.
И верится в спасение России,
когда гремит над Волгою гроза.

Здесь шли дожди настырно и уныло,
неделями надсадно морося.
Как эта наша пасмурность постыла!
Как поостыли лучшие друзья...

Но грянул гром! И в мире нет покоя.
Над Волгой, над великою рекою
гремит, гремит великая гроза.

Лохмотья неба над прибрежной кручей.
Душа реки проснулась ото сна.
Восстала эта, черная, как туча,
бушующая волжская вода!

Гроза над Волгой, словно предсказанье.
Всю грязь стихия смоем, наконец.
И свежее, пречистое дыханье
настанет у природы и сердец.

И прогремит над юною Россией

гром новых и невиданных побед.
И только этим молниям под силу
зажечь свободы негасимый свет.

После грозы приходит очищенье.
И оживают птичьи голоса.
И легче жить. И верится в спасенье,
когда гремит над Волгою гроза.

Еще поют в России соловьи

Еще поют в России соловьи.
Еще душа в смятенье не остыла.
Мы в эти годы горькие смогли
Спасти все то, что дорого и мило.
Еще поют в России соловьи.

Мы часто шли судьбе наперекор.
В своих мечтах и в людях ошибались.
Мы, словно дети, верили в добро —
И столько раз надежды не сбывались!

Поверь, что годы тяжкие прошли,
что на пожарах накричался кочет.
Еще поют в России соловьи.
Еще весну отечеству пророчат.
Еще поют в России соловьи.

Ворвется в сердце солнечный прибой,
Повеет ветер ласковых акаций...
Еще опять мы встретимся с тобой.
Чтоб больше никогда не расставаться!

Мы – дети самой преданной любви.
Ее никто отныне не отнимет.
Еще поют в России соловьи, —

И значит, песня землю не покинет!

Еще поют в России соловьи.

«Я вновь аккорд возвышенный беру...»

Я вновь аккорд возвышенный беру...
Почти весь мир с тобой исколесили,
и все же нет воистину миру
милее нашей матушки – России...
Ее войною выжженных полей,
ее сомнений и деяний нервных.
Как я любил своих учителей,
своих друзей и верных, и не верных!
Я знал триумф актеров – алкашей,
стихи и слезы пьяного поэта.
Их души уникальны, как музей
извечного сраженья тьмы и света.
Мне даже зэки были как родня.
Но как меня муздычили коллеги,
как с упоением мучили меня
за слово доброе о русском человеке!
На мне давно поставлено тавро.
Мол, примитивен.
Прост.
Не современен.
Мол, не поэт,
а песенник.
Зеро.

В фаворе ныне Бродский, не Есенин.

Я предан был несчастным и родным,
расстрелянным и на войне убитым.

Я посвящал стихи свои —

своим

героям

и совсем не знаменитым.

Нет, с них икон я вовсе не писал.

Я их в работе видел, видел в деле.

Я их в миру с натуры рисовал,
чтобы другие их не проглядели.

Теперь для многих стран,

да и для нас

иконостас – семья Евросоюза.

И все ж семейка та не поднялась

до бывшего, до нашего Союза,

где все же был союз между людьми,

где был порыв космический неистов,

где были мы честны перед детьми, —

не пестовали новеньких нацистов,

где люди знали правду о войне,

в стихах и песнях бережно хранимой,

где верилось несбыточной весне

в стране хоть разношерстной,

но единой.

Нас не прошиб пока Евроозноб.
Мы все, как встарь, равны. Как прежде, вместе
читаем вновь Айтматова захлеб,
поем навзрыд украинские песни.

Веры тонкая свеча

«Как корежило нас невежество!..»

Как корежило
наш невежество!
И сейчас до конца не понятно,
сколько свежести,
сколько нежности
у Руси моей было отнято.
Если даже Сергей Есенин
одно время был
под сомнением,
сколько было тогда у бдительных
над искусством побед
убедительных!
И когда всю Расею,
Россию,
не в основе – в ознобе трясло,
Сколько храмов сожгли,
носили!
Сколько к вере людей пришло!
Чувство Родины не утрачено,
и Рублев
– он всегда Рублев.
не оплаченный,
не испачканный
ни невежеством,
ни рублем.

Что талантливо,
то и молодо...

Пусть не сразу,
через года

очищаем иконное золото
от коррозии и стыда.

Наступают иные годы.

Но тревожимся все сильнее,
чтобы вера

не стала модой,
словно джинсы,
в стране моей...

Эпитафия читающей стране

Мы в жизни, возможно, не всем потакали
и шли по какой-то дороге иной...
Империей зла нас тогда называли
и самой читающей в мире страной.

Страною добра мы, конечно, не стали.
У нас расслоенье сегодня хитро:
чтоб стать раздобревшей элитой, вначале
присвоить без спросу чужое добро.

В империи новой иные манеры.
Рванула в торги расторопная рать.
Чтоб стать
 ну хотя бы миллионером —
отнять,
 разорить,
 обвести
 и урвать!

Закреты навеки святые страницы.
Филолог-старик окончательно сник.
Без денег сегодня нельзя обходиться,
но можно вполне обходиться без книг.

Читать перестал ошалевший народец.

Читательский бум повсеместно зачах.

...И только святой Николай Чудотворец
все еще держит Книгу в руках

Чудотворная совесть

Я с самого детства рос
с неверьем в борьбе неравной
среди горестей и угроз
в обители православной.
Россия, родная Русь,
одной лишь тебе внимаю.
И я за тебя молюсь
святителю Николаю.
Молюсь, чтоб он смог помочь
Отчизне многострадальной,
чтоб зло уходило прочь
из нашей страны печальной,
чтоб мог он детей сберечь
от школ и людей двуличных,
чтоб спас он родную речь
от ветров иноязычных...

Святитель! Ты знал калек.
Ты их исцелял любовно.
Но наш новомодный век
калечил людей духовно.
Никто не сигналил SOS,
что правит людьми нечистый.
Воспрянули в полный рост
убийцы да аферисты.

И чтоб на родной Руси
сегодня не стало хуже,
Святитель!

Внемли, спаси
заблудшие наши души.
У нас неплохой народ.
Родной мой, святой Никола,
спаси нас вовеки

от

предательства и раскола.

Ведь сколько неслабых стран
окрепло, в Россию целясь...
Мы столько познали ран,
мы столько натерпелись,
что нас не покинул страх.
Нам боязно и сегодня.
Постыло нам жить впотьмах.
Спаси нас, святой Угодник!
Я буду всю жизнь с Тобой
и с правдой Твоей бесспорной.
Спаси нас своей мольбой
и совестью Чудотворной!

«Рядом с церковью птицы поют...»

Рядом с церковью птицы поют.
На холме среди лесов – деревушка
да российский сиротский приют —
позапрошлого века церквушка.

Этот храм не в Москве, не в столице,
где парады пасхальной весной,
где сгущаются первые лица
над своею несчастной страной.

Здесь печальная драма Земли.
Пустота. Забытьё. Захолустье.
Кто покрепче – отсюда ушли
без потомственной памятной грусти.

Это наш неизбывный позор.
Это родины нашей стареньё.
Позабытая всеми деревня
да несбывшийся русский простор...

Нету певчих в церквушке давно.
Нет того, даже скромного, хора...
Хоть просвирку спекут. А вино
для причастия кончится скоро.

...Мы стоим на промерзшей меже.
И глаза и надежды померкли.
Отчего ж так светло на душе?
Это птицы поют возле церкви.

Окружил нас невысказанный мрак.
Безработица. Нищие дети.
Только чей-то таинственный знак —
это птицы поют на рассвете.

Просыпается гаснущий свет
этой странною призрачной ранью.
Промелькнувшие тысячи лет
вдруг застыли в немом ожиданье.

Может, страх наш извечный исчез...
Может, кончилось долготерпенье...
Может, слышится голос Небес
в этом птичьем пророческом пенье?

Может, сбудется праведный суд?
Сколько слез над Россией пролито...
Может, это природы молитва, —
рядом с церковью птицы поют...

Вера

Снится мне ночной причал
На родной реке,
Веры тонкая свеча
У тебя в руке.

Ты пойми, что в этой мгле
Нет ни близких, ни родных,
Что несчастных на земле
Больше всех других...

Разве знали в детстве мы,
Веря в Божий свет, —
От тюрьмы да от сумы
Нет зарока, нет...

Только птицы прокричат,
Только вздрогнет вдалеке
Веры тонкая свеча
У тебя в руке.

Ты поверь в иную жизнь
На иной меже,
Ты поверь и помолись
О моей душе.

Есть непознанная даль,
Ты поверишь, ты поймешь:
Есть любовь, и есть печаль,
Остальное – ложь.

Все мне снится по ночам:
В дальнем далеке
Веры тонкая свеча
У тебя в руке.

От небесного луча,
Что на грешный мир пролит,
Веры тонкая свеча
В темноте горит...

«Подобрали его случайно...»

Подобрали его случайно,
а быть может, кто-то принес...
На меня он взглянул печально,
стал ласкаться, бездомный пес.
Вот в глаза заглянул он снова,
Лапу даст свою не спеша...
Разве бросишь его такого?
Божья тварь.

Живая душа.

Когда кажется, – все пропало
и удача навек ушла,
пес спасал меня.

Утешала

Божья тварь.

Живая душа.

Ну, да что там, – моя собака...
Мир наш выстроен из потерь.
Видел брат мой, как горько плакал
от досады таежный зверь.
Ну, а помнишь, как в Тогучине
на краю тайги и пурги
наши души с тобой лечили
и животные, и зверьки.
Ведь, казалось, откуда взялся?

На тропинке у дома
вдруг
неожиданно появлялся
обаятельный бурундук...
А лишь только в лицо плеснули
волны кемеровской зари,
вышли
царственные косули
из кустарника, —
посмотри!

Погляди, как они прекрасны!
Как пленителен глаз разрез...
Как, почуяв вблизи опасность,
убегают в пятнистый лес!

Как животные любят волю!
Даже волк – не такой злодей.
За добычею рыщет в поле —
ему надо кормить детей.
Зверь семью сохранить стремится,
против прочих зверей греша...
Он накормит свою волчицу,
Божья тварь.

Живая душа.

Вот бегут по тропинкам лани,
и зверьки до своей норы —
вымирающие созданья,
исчезающие миры.

Снова белка бежит к кормушке,
хвост роскошный свой распуша...
Крошки-лапки.

Красавцы-ушки.

Божья тварь.

Живая душа.

Ах, не трогай, хоть будет случай
повстречать змею иль ужа...

Пусть противен он – гад ползучий,

Божья тварь.

Живая душа.

Нынче в мире – иная вежа,
а формат ныне – смертный грех.

Враг животных и человека
в наше время – сам человек.

Он все деньги свои считает
в потаенной своей тиши.

Ныне фирменно процветает

Homo sapiens

без души.

Homo sapiens стал богатый.

Все – и поле и лес

круша!

А ведь раньше здесь жил сохатый —

Божья тварь.

Живая душа.

Любо нам не творить, не строить,

а подсчитывать барыши.

В людях, в людях

теперь порою

не хватает

живой души!

Совесьть стынет в лохмотьях снега.

Омертвели у нас сердца.

У бездушного человека

наступает начало конца.

Все он мечется,

неприкаян.

Бьет по цели точней, чем встарь!

Человек на земле – хозяин!

Только

Божья ли это тварь?

Восстанавливают храмы

Нынче радостей немного.
Больше подлостей и сраму.
Правда, нынче, слава богу,
Восстанавливают храмы.

В селах и первопрестольной,
Словно юные старушки,
Возникают колокольни,
И часовни, и церквушки.

Вмиг слиняли атеисты.
Наверху – иные вкусы.
И рисуют копиисты
Вместо Брежнева – Иисуса.

Вместо Маркса с «Капиталом»
Рождество и Пасху – в массы!
А в церквях стройматерьялы —
Сплошь синтетика с пластмассой...

Храм в элитных эмпиреях
Возвели в мгновение ока.
Ну, а людям, что стареют,
Все ж без Бога одиноко...

Рядом выстроились банки.
Нищета в церковной арке.
К платной новенькой стоянке
Подъезжают иномарки...

Заказные злодеянья.
У братвы все шито-крыто.
Из Священного Писанья
«Не убий» давно забыто.

Травка каверзная тлеет
В дискотеках хулиганских,
Где тинейджеры наглеют
И поют не по-христиански.

Трудно даже Бога ради
Отличить мужчин от женщин.
На всеобщем плац-параде
Храмов больше. Веры меньше.

А в деревне Божьи служки
Мир подлунный покидают.
Тропка к старенькой церквушке
Зарастает, зарастает...

Там была она, святая,
Лишь одна на всю округу.
Ноги бóсые сбивая,
К церкви люди шли, как к другу.

Жили бедно и убого,
Да боялись слова злого.
Сколько было веры в Бога,
Своего, не подкидного!

Паства выглядит устало
На ступеньках новой эры.
Храмов, правда, больше стало.
Веры меньше. Веры... Веры...

«С православной верою предки наши выжили...»

С православной верою предки наши выжили.
Строили Московию по закону Божьему —
почитать родителей, не обидеть ближнего...
В сумерки ненастные ждали дня погожего.

Были дни несправные и года – рабочие.
Были озарения. Подвиги. Открытия.
Только звезд с легендами из себя не корчили.
Были и у гениев – скромные обители.

Не гнушались стиркою. Знамо: надо пол мести.
Знамо: жить по совести. А рубли – не главное.
Надобно детей своих уберечь от подлости.
Песня наша главная – вера православная.

Правду-матку резали. Эх, малина-мáлина!
О судьбе монархии споры бесполезные.
Верили болезные в Ленина и Сталина,
а потом в прославленных новомодных бездарей.

Этих «солнц» затмения нам сердца не трогали.
Жизнь была поэзией русской олумена.
Верили товарищам Пушкину и Гоголю.

Верилось и Чехову, Куприну и Бунину.

Нынче этих классиков, словно мусор, вывели.
«Я тебя печатаю. После – будешь ты меня!»
Классиков из классов хороводом вывели.
Век словесность русскую на компьютер выменял.

Время наше тяжкое. Место наше гиблое.
Криминальных подлостей сто восьмая серия...
Предано Евангелье. Блогер вместо Библии.
Колдунам-безбожникам господу поверили.

Торговать нам велено и дружить с Мамоною.
Олигархов слушаться. И целует женщина
не икону с крестиком, а гроши зеленые.
С выстрелами подлыми молодость обвенчана.

Мало нашей вере в верности поклявшихся.
Мало тех, чье сердце нашей правде отдано.
Мало нас, оставшихся,
нижеподписавшихся
под стихами этими о стране распроданной.

Душа

...Я душу сдал на комиссию.
Оценщик седой и опытный
ее оглядел придирчиво
и тихо пробормотал:
– Душа как душа... Не новая...
Кой-где уже тронута молью...
Не раз подвергалась чистке
наивная ваша душа.
Вы к ней относились неважно.
Она была в переделках,
вот видите – здесь царапины, а тут вы ее прожгли.
Надо бы осторожней,
душа ведь огня боится,
всякие потрясения – это душе как смерть.
Потом, скажу откровенно:
наша она, родимая...
– Знаете, – он хихикнул, —
такие сейчас не в моде.
Напротив есть мастерская,
попробуйте к ним зайдите,
может, еще удастся ее перелицевать...
Сделайте покороче, более современной,
чтобы от ультрамодных было не отличить.
Я, честно-то, сам не очень...
нелепые эти фасоны,

но что поделаешь... нынче хозяин не я, а спрос.

А так... что вам дать за душу?

Цена вас едва ль устроит,
ведь я же не Мефистофель,
я только товаровед...

«А я еще помню – ковер на полу...»

А я еще помню – ковер на полу,
уют небогатого дома.
Горбатый сундук. А в красном углу
в старинных окладах – иконы.
И бабушка тихо ко мне подойдет
в чепце, в сером платье неброском,
меня перекрестит. И свечи зажжет.
Запахнет смиреньем и воском...
И верится тихим и ясным словам.
И Боженька здесь он, незримый...
И благостный свет, и тот фимиам
естественный, неповторимый.

...Так хочется снова вернуться домой
в мерцание суток неспешных,
где бабушкин голос – почти неземной:
«О Боже! Помилуй нас, грешных!»
А дальше все пошло пошло, «на авось»,
прошло небезгрешно взросленье.
И все-таки только сейчас началось
всеобщее грехопадение.
Сегодня уже не услышишь хулу
за ложь, за духовности мизер.
Коттедж европейский. А в красном углу
заместо икон – телевизор.

Мы терпим фальшивый его фамиам,
потворствуем злобным наветам.
И ночью и днем равнодушный экран
горит неестественным светом.

Рекламное шоу. Да бал сатаны.
В эфире – одни развлечения.
Лишь старые сказки, да детские сны,
да память – мое утешенье.

... Чуть слышно сухая трава шелестит
о всях и высях нездешних.
Смеркается осень. И сердце болит.
О Боже! Помилуй нас, грешных...

«Как хорошо, что в мире есть иконы...»

Как хорошо, что в мире есть иконы,
что есть у нас нерукотворный Спас,
что слышим мы таинственные звоны,
что вера в Бога охраняет нас.

Сегодня жизнь безмерно модерна.
Бушует развлекательный парад.
Но лик Христа и «Троица» Рублева —
не черный, а божественный квадрат.

Бушует грязь рекламная и порно.
Всю дьявольщину не переорать.
Но тихий свет иконы Чудотворной
еще несет народу благодать...

Я, сбросив с плеч советские обноски,
так много сам себе напозволял,
и вскакивал на шаткие подмости,
и развлекал неприхотливый зал.

Я знал и розы и шипы успеха,
любовь попсы воспринимал как честь,
ловил комки доверчивого смеха,

аплодисментов радостную лесть.

Не избежал позорного полона
хвалу вельможным лицам возносить...

Как хорошо, что в мире есть иконы.
Есть у кого прощенья попросить.

«Мы раны страны покрываем зеленкой...»

Мы раны страны покрываем зеленкой.
«Убрать из эфира» – раздался приказ.
И кто-то бежит размагничивать пленку,
А кто-то поставит свечку за нас...

Гнусавит на паперти правда-калека
Над пеплом сожженных на площади нот.
И в праведный храм позабытого века
С черного хода дьявол войдет.

Вновь наша судьба, как изба, опустеет,
И в ней сатанята пустятся в пляс.
Лишь в свитках души православие тлеет,
И кто-то поставит свечку за нас.

Антихристу выгодно наше смиренье.
Компьютер смикширует Господа глас.
Лишь дальнейшее многоголосое пенье
Звучит как божественный иконостас.

И всех нас сквозь общее сито просеют,
И юный красавчик нас снова предаст.
Но кто-то вспомянет Россию – Расею,

Помолится и за нее, и за нас.

Открыты престижные школы злословья.
На воле мерещатся стены тюрьмы.
И дети России истерзаны кровью,
А глобус продавлен подростками тьмы.

Лишь только наивное Богом хранимо.
С вечностью в мире порушена связь.
Всесильна измена. А верность незрима.
Незримо поставят свечку за нас.

«Адвокатов не будет на Страшном суде...»

Адвокатов не будет на Страшном суде.
Отвечать самому перед Богом придется
за грехи, что родились в мирской суете,
и за грязь, и за плесень земного колодца.

Здесь воистину ты покоришься судьбе,
со слезами смиренно попросишь прощенья,
когда все беззаветно открыто в тебе
и душа перед Богом стоит на коленях.

Ты один среди тысяч таких же людей.
Покаянье твое глубоко и безгласно.
Это главная Исповедь в жизни твоей,
и готовиться надобно к ней ежечасно.

Будет строг и прекрасен Божественный Суд.
Не дано нам уменьшить свои прегрешенья.
Никакие компьютеры нас не спасут.
Только вера и правда – дорога к спасенью.

Будет строг и участлив Всевышний судья.
Там не будет ни молний, ни грома раскатов.
А защита твоя – только совесть твоя.

И не будет на Страшном суде адвокатов.

«По всей России иконы плачут...»

По всей России иконы плачут...
Не знают люди, что это значит...
В жестоком мире – добро в опале.
В душе как будто цветы завяли.
Не увидеть нам теперь вовек
ни чисто поле, ни чистый снег.
Неужто веру переиначат?
По всей России иконы плачут...

Вокруг болота да бездорожье.
Забыли нехристи слово Божье.
Птенцам, что выпали из гнезда,
остались холод да нищета.
Где казино – там ночные клубы.
Где дискотеки – там душегубы.
Повсюду ведьмы да черти пляшут.
А бесы прессы людей дурачат.

По всей России иконы плачут.
Молитв не слышно и песнопений.
И светлый гений толпой осмеян.
А на подмостках – дым да туман.
Опять фальшивки, опять обман.
Лишь колокольни в церквях и храмах
звучат, как прежде, без фонограммы.

В их грозном гуле наш путь означен,
по всей России иконы плачут...

«Была у предков с Небом связь...»

Была у предков с Небом связь
не на юру, не в тронном зале,
когда они, перекрестясь,
колоколам небес внимали.

Теперь
хор ангелов молчит.
Коммуникации иные...
И даже спутники
с орбит
вещают глупости земные.

Теперь от праведных идей
попса – надежная защита.
Душа наушником прикрыта.
Торчит веревка из ушей.

Веревка эта —
как петля
на хрупкой отроческой шее.
Уже никто не пожалеет
младой влюбленности поля.

Сегодня истина – во мгле.
Любая новость злобой пышет.

И голос правды на земле
почти никто уже не слышит.

Всех побеждает Вегас Лас.
Души мы лишены отныне.
Сегодня даже Божий глас —
глас вопиющего в пустыне.

Взрывают церковь Рождества Христова

Христа опять берут в незримый плен.
В душе пропащей – ничего святого...
Солдаты в касках. Сонный Вифлеем.
Взрывают церковь Рождества Христова.

Уже постройка древняя горит.
Пока что в дом Паломника попали.
А церковь и сегодня устоит...
О Боже! Сколько раз ее взрывали!

В тридцатые никто не уцелел.
Кто выжил – арестовывали снова...
Когда вели Владыку на расстрел, —
взрывали церковь Рождества Христова.

Настали новомодные века.
Христос сегодня – мюзикл модерновый.
Возводят храмы, а исподтишка
взрывают церковь Рождества Христова.

Отстаивать святые письмена
уже не получается на равных...
Объявлена последняя война

последним ослабевшим православным.

И вновь всемирный Ирод на посту.
На всё его подельники готовы.
Взрастили для подростков наркоту —
взорвали церковь Рождества Христова.

И всё тоскливей птичьи голоса.
Им не добраться до гнезда родного...
Когда сжигают мудрые леса —
взрывают церковь Рождества Христова.

Пришла пора безвременных могил.
Боевики к диверсиям готовы.
Пускай нашли в троллейбусе тротил, —
взорвали церковь Рождества Христова.

Мы ложью и тоской окружены.
Давно уж сокрушается Всевышний:
за дьявольскою музыкой страны
призывный глас архангела не слышен...

Умолк бесплотный хор на небеси.
Опошлили мы тайны мироздания.
На паперти порушенной Руси
мы просим доброты – не подаянья.

Мы молим Всемогущего Творца
дать крепость духа нам и нашим детям,

спасти нас от корыстного тельца,
назначенного Главным на планете.

Господь нам всем отвел свои года,
и не дано нам жребия иного.
Я жил в эпоху грешную, когда
взрывали церковь Рождества Христова.

Храм на крови

Храмы в России – как Божьи знаменья.
Строились храмы на шрамах земли.
Молится Небу о нашем спасенье
Храм на крови. Храм на крови.

Принял Спаситель смертные муки.
Приняли муки предки мои,
Чтоб не томились в безвыходном круге
Дети Христовы, дети любви.

Воины, клятвы своей не нарушив,
Кровью своею Россию спасли.
Их имена, их спасенные души —
Вспыхнули звездами на небеси.

Силы небесные Русь окрестили.
Вновь свою святость миру яви!
Многострадальная наша Россия —
Это воистину Храм на крови.

Есть еще, есть неподкупные силы.
Вновь нас на подвиги благослови,
Многострадальная наша Россия —
Храм на крови. Храм на крови.

«Те беды, те дни, те огни не померкли...»

Те беды, те дни, те огни не померкли.
Могилы солдат – наши новые церкви.

Как будто высокие, строгие храмы,
встречаю в пути я большие курганы.
И низенький холмик у тихой речушки,
похожий на сруб деревенской церквушки...

Пусть чаще живым представляется случай
побыть в одиночестве ивой плакучей,
склониться от скорби, а не от угрозы,
роняя в песок родниковые слезы...

Как будто святые на вечной поверке,
стоят по России могилы, что церкви.
Для памяти вечной распахнуто сердце.
Здесь нет равнодушных. Здесь нет иноверцев.
Иисусы, Иеговы и Магомеды —
отцы убиенные наши и деды.
Обнявшись, как тени безмолвные Данте,
сошлись православные и протестанты,
согласные в том, что не избранным лицам —
Спасителям истинным должно молиться,

кто сгинул в болотах, полег у застав,
смерть Родины собственной смертью поправ.

Как память о всех неизвестных и близких,
погибших святыми, стоят обелиски.
И вечных огней ритуальные свечи
горят перед образом их человеческим.
И год рождества тех святых – сорок первый.
И память войны – наша вечная вера.

Колокола

Еще сердца окутывает ложь.
Еще заря спасенья не взошла.
Взгляни вокруг, взгляни – и ты поймешь:
Настало время бить в колокола!

Остался нам один глоток воды.
И вся земля так нищенски мала...
И мы стоим над пропастью беды, —
Настало время бить в колокола.

У нас запас одних и тех же слов.
Забыли мы про добрые дела.
И на земле, где тысячи Голгоф,
Настало время бить в колокола.

Убито чувство веры и стыда.
Поникли нашей нежности крыла.
Настало время Страшного Суда.
Настало время бить в колокола.

Дай силы нам, дай силы, добрый Бог!
Спаси, спаси от скверны и от зла...
Настало время боли и тревог.
Настало время бить в колокола!

«Мне сегодня с утра пропел...»

Мне сегодня с утра пропел
лучик света в оконной раме,
что наступит тоски предел,
что рассветы не за горами.

Ну не весь же проклятый век
Сатане управлять мирами...
Еще выпадет чистый снег,
очищенье не за горами.

Это время не навсегда.
Ведь не зря же поют во храме,
что сошла с небеси звезда,
что Спаситель не за горами.

Те, кто к вере сквозь боль придет,
кто в надежду не бросит камень,
по глазам россиян поймет:
Воскресенье не за горами.

Сколько в мире пчелиных сот!
Дух единства еще воспрянет...
Наше время еще придет.
Наше время не за горами.

Мать и сын

– Я гляжу на тебя с тоской.
Я боюсь, – ты уйдешь навсегда.
И погаснет над нашей рекой
В небесах молодая звезда.

Жизнь открыта недобрым ветрам.
Только истинный выстоит храм.
Ты мой сын. Ты сын России.
Не молись чужим богам.

Гнутся деревья, гнутся к земле.
Ты не согнешься.
К дому родному даже во мгле
Снова вернешься.

– Тростники все шумят над рекой.
Я на помощь несчастным иду.
Я зажгу над родимой землей
Среди туч золотую звезду.
Трудно соколу в небе лететь.
Трудно песню о родине петь.
И никто, никто не знает,
Сколько нам еще терпеть...

Гнутся деревья, гнутся к земле.
Мы не согнемся.

К нашим истокам даже во мгле
Снова вернемся.

– Край родной, нашу веру спаси!
Будем жить, только правдой дыша.
С нами – Троица вечной Руси:
Мать и сын, и Святая душа...
Только истинный выстоит храм!
Мы вернемся к своим родникам.
И пока жива Россия,
Вместе петь и плакать нам...

Гнутся деревья, гнутся к земле.
Мы не согнемся.
Истинной верой даже во мгле
Вместе спасемся!

Соберемся в дорогу

Мы устали от всегдашней непогоды,
показухи и неискренних речей,
и от стога вымирающей природы.
Я в стране своей по-прежнему ничей...

Так давай мы с тобой соберемся в дорогу.
Мы поедем туда, где нас любят и ждут.
Мы попросим у нашего доброго Бога
указать нам единственный этот маршрут.

Там к судьбе любой забота и участие.
Там действительно нас ждать не устают.
Там по-прежнему от радости и счастья
соловьи звонкоголосые поют.

Там богатства беспокойного не нужно.
Там, пускай хоть это кажется старо,
платят верностью за искреннюю дружбу
и улыбкой за бесценное добро.

Там мечты моей божественная Мекка.
Жизнь становится и краше и длинней.
Свет идет от мега-человека,
нет зловещих и уродливых теней.

Там обманывать товарища нелепо.
Жизнь украшена подарками судьбы.
Там поддерживают ласковое небо
вековые корабельные дубы.

Там осталась человеческая честность.
Там свободный, а не вынужденный труд.
Там великую российскую словесность
для детей своих и внуков берегут.

Там синеют рядом с чистыми полями
перелески и пречистые пруды.
Там проходят и обиды и страданья
от сияния рождественской звезды.

В начале было Слово

Пимен

Сиять божественным свечам!
В своей России, как в изгнание,
все пишет Пимен по ночам
свое последнее сказанье.

Он нежность к родине сберег.
А в сердце гнев, как брага, бродит,
Одна лишь Истина, как Бог,
его рукою дряхлой водит.

Лампада тусклая горит.
Стол окроплен святой водою,
И ангел Памяти парит
над головой его седую.

Из храма изгнан и с ТВ,
он под хоругви Веры призван, —
не потакать людской молве,
а верить правде. Верить жизни.

Ведь люди поняли уже,
что наша правда растерялась,
что в каждой нынешней душе
так мало Господа осталось...

Что наших предали отцов —
потомков даже не колышет.
Героям плюнули в лицо —
вам все равно, – но Пимен пишет.

Ему забыться не дают
и низость лжи во власти высшей,
и безнаказанность иуд.
Старик все пишет, пишет, пишет.

Он верит: преданность и честь
мы все ж навеки не отринем.
На каждого монарха есть
непресмыкающийся Пимен.

Слабеет дряхлая рука.
Глаза, уставшие в потемках...
Сквозь бури, грозы и века
он слышит возгласы потомков.

Едва ли чувствует он сам,
какую вызовет тревогу
его Посланье небесам
и адресованное Богу...

Фальшивых слов недолог срок.
Тускнеют новые витии.
А летописцев Бог сберег.
Бессмертны Пимены России.

Слово

Плакала Саша, как лес вырубали...

Н. Некрасов

Слово! Спасибо тебе за труды.
Жили всегда мы печально и хмуро...
Плодоносили и в стужу сады
нашей спасительной литературы.

Трудные были всегда времена.
Только во время побед и печалей
люди и впрямь поднимались со дна, —
книги читали. Книги читали.

С самого детства ступала нога
в сказочный лес Алексея Толстого,
в парк Паустовского, сад Маршака.
Шли мы тенистой аллеей Светлова...

Правда, тогда же с партийных небес
планово шли и другие посадки:
были в фаворе создатели пьес,
с правдой игравшие в жмурки и прятки.

Люди нелепую эту стряпню
тихо ругали, но вслух поощряли.
Саженцы эти и впрямь на корню
сами в питомниках лжи засыхали.

...Нынче культурная жизнь на юру.
Новым хозяевам книга постыла.
Новый Лопахин призвал к топору.
Рушится все, что любимо и мило.

Для детективной и пошлой муры
древний классический плац расчищая,
денно и ночью стучат топоры,
русской словесности сад вырубая.

Школьник от книг и от песен отвык.
Пришлая правит в России халтура.
Гибнет Великий российский язык,
и прекращается литература.

Дух примитива. Дашь интернет!
Блогер писательский труд затмевает.
Гаснет таланта пленительный свет.
Божья искра в сердцах замирает.

Гаснут наивных стихов огоньки.
Снова вокруг и печально и хмуро.
Нашим потомкам остались пеньки
русской порубленной литературы...

Памяти Юлии Друниной

Поэтесса выбрала смерть,
правду выдохнув с бабьей силой.
«Не хочу, не могу смотреть,
как летит под откос Россия».

Этим вот пронзительным стихом
попрощалась с жизнью поэтесса.
Не было решеток за окном.
А напротив – не было Дантеса.

Им, дантесам нынешним, тогда
было не до всяких там поэтов...
Их влекла другая маета —
как бы пристрелить страну Советов.

Целились они уже давно.
К гонорару в долларах тянулись
не напрасно. Все предрешено.
И они – увы! – не промахнулись.

Начались парады параной.
Развлекалка. Грабежи. Насилье.
И недаром вместе со страной
и ее поэзию убили.

Ну, куда уж Друниной теперь...
Многих наших воинов забыли.
Половодье нравственных потерь...
У талантов обломали крылья...

Глав сменили всюду и везде.
И издательства – не исключенье.
В этой либеральной чехарде
началось стихов искорененье.

Вот и всемогущий интернет
сдали ловкачам и графоманам.
Прекратился строгий худсовет,
и редактор сообщил вчера нам:

«Да, пришлось поэзию прикрыть
как не приносящую дохода,
прекратить и бардовскую пруть.
Жизнь другая. И другая мода.

В моде нынче – секс да криминал».
И редактор говорит учтиво:
«Наш формат – заокеанский бал.
И судьба – не нашего разлива».

А стихи поэтов о войне
вспоминать и вовсе не пристало...
Виновата Друнина вдвойне,
что страну от недругов спасала.

От себя и фронтовых бойцов
Друнина отчаянно и резко
наказала новых подлецов
этой высшей мерою протеста.

Выдохнув прощальные слова,
став опять пленительно красивой,
смерть себе на помощь позвала,
чтоб не видеть гибели России,
чтоб не ведать гибели стихов,
гибели писателей-пророков,
чтоб страна непревзойденных слов
оставалась честной и высокой.

Не сошлось. Не сбылось. Не сбылось.
С гибелью смирились молчаливо...
Воскресли не добро, а злость.
Возродили пошленькое чтиво.

В наших душах потушили свет.
Пустота. Апатия. Усталость.
Долгий список «горестных замет».
А в столице рыночной осталось
все святое, светлое забыть,
тротуары плиткой замостить,
все следы трагедий замести,
снова опозорить поэтессу,
Пушкина, как Горького, снести

и поставить памятник Дантесу.

«Костлявых букв бунтующая плоть...»

Костлявых букв бунтующая плоть
издревле жизнь людей преобразала.
В каких бессмертных фразах бушевала
костлявых букв воинственная плоть!

Какая глина и какой раствор
из грозных букв гекзаметры лепили,
провозглашали славу и позор
и сумрачные души бередили!

Рождалась совесть, низвергались троны,
протягивался ближнему ломоть...
Взрывалась над землей, подобно грому,
костлявых букв таинственная плоть.

И обретали славу города
от летописцев. Это означало
бессмертье букв.

Их кость была тверда
и в горле у неправды застревала.

Из гласных, из согласных,
из литых

слова слагались, что покрепче стали.
Они стояли в книгах насмерть.

Их

костьми держались гордые скрижали.

...Когда и мы кирпичики кладем
и ставим в строй словечки по ранжиру,
быть может, мы натуру предаем,
магнитофоном заменяем лиру.

Мы можем острой рифмою сверкнуть
и щегольнуть концовочкой небрежной,
не обнажая – прикрывая суть
цветастой современной одеждой.

Не лен,

а так... синтетика, лавсан.

Пишу, чтоб никого не задевало.

Но чую:

приукрашенным словам

растет сопротивление матерьяла.

«Цена безмерно собственное „я“...»

Цена безмерно собственное «я»,
мы не выносим мнения чужого
и говорим порою:

«У-у, змея!» —

на каждое критическое слово.

Мы проклинаяем остроумья яд.
И мы в душе считаем неприличным,
когда тебя не хвалят, а бранят,
когда твой друг колюч и ироничен.

Спроси седых и мудрых докторов,
зверей, свои врачующих болезни, —
не бойся змей,

коль хочешь быть здоров.

В определенных дозах
яд полезен.

Новые мизансцены

Снова модерн на подмостках.

Всюду – сюрпризы тебе:
в космос уносится Тóска,
Астров – агент КГБ.

В джинсы одета Одетта,
Гамлет и вовсе раздет.
Улицы Горького нету,
площади Пушкина нет.

Имидж сменили заводы,
а имена – города.
Вот и летят самолеты
сами не знают – куда...

«Нынче везде и во всем перемены...»

Нынче везде и во всем перемены.
Бес Люцифер на подмостки ворвется...
Пусть отвернется от нас Мельпомена,
а Станиславский в гробу первернется.

Пол у святой героини изменим!
Арии выкинем! Вставим куплеты!
Господа Бога осовременим!
Дамочки все поголовно раздеты...

Ах, не от ваших ли экспериментов,
не бутафорским оружием бряцая,
власть заменила родных наших ментов,
перевела их на роль полицаев.

Видно, от вашего авангардизма
пухленький тот молодой реформатор
так срежиссировал новые «измы»,
чтобы был рад иноземный куратор.

...Вышел из театра.

А на сердце пусто.

Мюзикл. Шоу. Дурацкие блоги.

Все это, в общем-то, —

полуискусство.

Да и новаторы все —
полубоги.

«Ах, искусство – не жизнь, не войдешь налегке...»

Памяти Б.Г. Добронравова

Ах, искусство – не жизнь, не войдешь налегке.
Мир волшебен контрастами света и тени.
Молодая богема сидит в кабаке,
а великий актер умирает на сцене.

Лишь великие
сердце сжигали дотла,
воскрешая потомков царя Мономаха.
Если шапка его и была тяжела,
тяжелее актерские дыба и плаха.

Если даже артиста недуг распростер
и в палате (не царской) лежит без движенья, —
все равно,
если он настоящий актер,
Настоящий Актер умирает на сцене.

Надо быть до последнего вздоха в строю,
не играть,
а выигрывать роль, как сраженье.
Полководец-герой

погибает в бою.

Негерой-лицедей

погибает на сцене.

Помню:

он прямо в гриме на сцене лежал.

Все казалось:

вот-вот царь Феодор очнется...

Третий акт, задыхаясь, актер доиграл,

а четвертый с тех пор

все никак не начнется.

Много было потом и прощаний, и встреч,

но я знаю,

я твердо уверовал в это:

только те,

кто сердца не умеют беречь,

берегут

человеческий облик планеты.

Я надеюсь, что в юной душе прорасту.

Только б силы найти

не прервать восхождение...

Дай мне Бог

умереть на ветру, на посту,

как Борис Добронравов на мхатовской сцене.

Дорога на Рузу

Дорога на Рузу.

Грустно...

Ушла та весна, ушла...

Мы в юности здесь бывали.

И музыка здесь жила...

Увы!

Поезда не ходят
по адресу прошлых лет.

Дом творчества.

Дом талантов.

Дом старших твоих коллег,
умевших внимать природе
и веровать красоте...

Таких соловьев, как в Рузе,
не слыхивал я нигде.

Таких партитур подробных
сегодня в помине нет.

...Идешь по аллеям ночью —
в окне у Эшпая свет.

А здесь вот жил Шостакович.

Чуть дальше – Хачатурян.

Тогда еще вкус и моду

не диктовал экран.

Слиянье людей с природой.
Слиянье двух русских рек.
Дух творчества. Дух талантов.
Дух рукописей коллег.

В библиотеке – Кафка,
Лесков и Поль Элюар.
В столовой – тефтели с гречкой, —
надежный репертуар.

Легки на подъем до Рузы,
и на помин легки,
друг к другу творцы ходили
играть в четыре руки.

Показывали сочинения
свои и своих коллег...
Да, был он неоднозначным,
ушедший двадцатый век.

Всерьез мастера творили.
Пошлятина – смертный грех.
Не всех понимает Время,
а юмор спасает всех.

К друзьям заходил Утесов,
и ныне в сердцах у нас

про ребе Залмана Шраца
печально смешной рассказ.

Окно, раскрытое настежь.
Дога играет вальс.
Отсюда музыка эта
по всей стране разнеслась.

Отсюда шли письма скрипкам,
сигналы оркестрам мира.
Их разносили волны
непроданного эфира.

Сам Бог этим скромным людям
фонариком осветил.
Но и они работать
могли на пределе сил,

природу умели слушать
и веровать красоте.
Здесь петь соловьи любили.
Они здесь – в своей среде.

Сегодня их стало меньше.
Природа о них скорбит.
И музыки Рузской, русской
все меньше в стране звучит.

На кризис все беды спишем,

на клевую телеприть.

...Как часто теперь мы слышим,
что музыке негде жить.

Сериал

Как многого нам в жизни не хватало!
Настали золотые времена:
возникли на экране сериалы,
и ахнула от радости страна!

Открылись нам заоблачные сферы...
И сердце замирало, увидав,
как плачут от любви миллионеры,
как отрок, правду ищущий, не прав!

Нам всем напоминали то и дело,
что церкву телевизор превзошел,
добро, как оказалось, устарело,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.